

Хвощинская Надежда Дмитриевна

На траве

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н17

Н17 **Надежда Дмитриевна Х.**
На траве / Хвошинская Надежда Дмитриевна – М.: Книга по Требованию, 2025. – 162 с.

ISBN 978-5-521-29049-9

ISBN 978-5-521-29049-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

скакунѣ отъ крестной смерти. Здѣсь эскадрону сдѣлали привалъ. Людямъ—обычная чарка водки, а офицеры съ юнкерами, расположившись на землѣ подъ деревомъ, распаковываютъ свои «запасы». Походная фляга идетъ въ—круговую, и неизмѣнная жареная курица кромсается на части; неизмѣнные пирожки съ капустой, словно изъ рога изобилія, сыплются, на траву изъ неловко развернутаго бумажнаго тюрика. Умный эскадронный Шарикъ, почуявъ съѣстное, подбѣжалъ дробною побѣжкой, вѣжливо вилая хвостикомъ, и усѣлся тутъ же, умильно поглядывая на закуску и засматривая въ глаза всѣмъ и каждому: неужели, молъ, вы, господа офицеры, Шарика позабудете? Въ офицерской кучкѣ и въ солдатскихъ группахъ идетъ какой-то, повидимому, безпричинный, но добродушно веселый смѣхъ и говоръ: погода это, что-ли, дѣйствуетъ такимъ образомъ—не знаю, только очевидно, что всѣмъ очень весело.

Солнце начинаетъ уже печь — и какъ пріятно теперь на нѣсколько минутъ растянуться-себѣ, заложивъ руки подъ голову, на сыроватой землѣ, подъ деревомъ, которое кидаетъ на тебя свою колеблющуюся, золотисто-зеленоватую тѣнь, а сквозь эту тѣнь такъ ласково пробиваются мелкими, свѣтлыми пятнами—какъ сквозь сѣтку—лучи горячаго солнца! Мягко, хорошо, привольно!.. Голубое, глубокое небо сквозитъ изъ-за листьевъ. Взоръ лѣниво и безпечно блуждаетъ вокругъ, переходя отъ вѣтвей и неба къ тѣмъ полямъ, по которымъ волнуются легкими тѣнями еще зеленыя, но уже колосистыя нивы, и сквозь шепотъ листьевъ слышно, какъ дождемъ сыплются надъ этими нивами звуки безчисленныхъ жаворонковъ и какую тревогу бьютъ въ травѣ кузнечики... Подъ эти звуки начинаешь будто забыватья немного полудремотой, какъ вдругъ — «Садись»!—и снова на коня, и снова пошелъ походомъ!

II.

Ильяновскій фольваркъ.

Свернули съ большой дороги влѣво и пошли проселкомъ. Впереди засинѣла гора, покрытая сосновымъ боромъ. Это—Гродненская пуща зачинается. На склонѣ этой горы, среди лѣса, стоитъ Ильяновскій фольваркъ, куда мы теперь

направляемся. Дорога идетъ открытыми полями, по которымъ торчатъ высокіе покосившіеся кресты, разбросанные и тамъ, и сямъ во всѣ стороны; кое-гдѣ видны соломенные кровли убогихъ дереvушекъ, кое-гдѣ возвышаются группы высокихъ тополей, являющіяся неизмѣнною принадлежностью панскихъ фольварковъ.

Солнце печетъ. За эскадрономъ стоитъ облако пыли, поднятое конскими копытами. Жара, очевидно, умяла людей, и они примолкли; а въ этой тишинѣ, сквозь мѣрпый и однообразный конскій топотъ, еще слышнѣе и отчетливѣе сыплются съ неба серебристыя трели жаворонокъ, а подъ ногами кузнечики поднимаютъ такой оживленный концертъ, что кажется, будто это сама трава стрекочетъ.

Но за то, послѣ жаркой и пыльной духоты, какъ освѣжительно обвѣяла насъ вдругъ сыроватая прохлада густаго лѣса! Запотѣлые и запыленные кони подбодрились и зафыркали, чуть только вступили подъ широкую тѣнь, между людьми тоже легкій говорокъ пошелъ — и примолкшіе было пѣсенники дружно подхватили вдругъ веселую пѣсню, которая среди частаго лѣса раздается какъ-то громче, ярче, полнѣе.

Что за веселый этотъ лѣсъ Ильиновскій! Характеромъ своей растительности онъ нѣсколько напоминаетъ Бѣловѣжскую пущу, хотя, конечно, въ миниатюрѣ и гораздо бѣднѣе. Огромный, широкій и раскидистый орѣшникъ густо заслоняетъ нашу дорогу съ обоихъ боковъ ея, а надъ нимъ вѣковые дубы простираютъ крѣпкія вѣтви и старые грабы раскидисто сплетаются, въ видѣ навѣса, свою ярко-зеленую, изящную и веселую зелень. Прелесть, какъ хороша эта короткая лѣсная дорога!

И вдругъ, повѣяло на насъ чуднымъ ароматомъ розы и жасмина. — Что это за запахъ? откуда онъ несется? Мы съ двумя товарищами свернули съ дороги въ сторону; продираясь между хлѣсткими зелеными вѣтвями, углубились въ лѣсную чащу, которая, то и дѣло, прерывается небольшими полянками и лужайками, каждая въ нѣсколько сажений въ окружности, — и вдругъ открываемъ въ этой чащѣ одичалые кусты бѣлыхъ розъ, усыянные пышными цвѣтами. и купы одичалаго садоваго жасмина, на которыхъ, какъ звѣздочки, сверкаютъ бѣлоснѣжные грозди цвѣтовъ. Откуда вдругъ такая роскошь среди этой глуши? Мы съ коня навали нѣсколько пышныхъ пучковъ розъ и жасминовъ, съ которыхъ скатывались еще рѣдкія капли росы, и привезли ихъ къ эскадрону. Товарищи наши были пріятно изумлены этимъ неожиданнымъ сюрпризомъ. — «Гдѣ, что и какъ, и откуда взялись такіе пышные

букеты?» посыпались на насъ разспросы. Эскадронный командиръ, который уже не первое лѣто становалъ въ этихъ мѣстахъ «на травѣ», разрѣшилъ наше недоумѣніе: здѣсь нѣкогда былъ обширный паркъ знаменитаго польскаго графа Валицкаго. Этотъ прекрасный паркъ давно уже заброшенъ, забытъ, заглухъ и превратился въ одичалый лѣсъ, гдѣ мѣстами сохранились еще и до нашихъ дней одичалые кусты жасмина, розъ и сирени. Если нѣкогда воздѣланный паркъ былъ великолѣпенъ, судя по рассказамъ,—то нынѣ этотъ лѣсъ съ такою роскошью цвѣтовъ, по моему мнѣнію, сталъ еще лучше, еще прекраснѣе, послѣ того, какъ время наложило на него свою руку и щедро впустило въ него столь поэтическую одичалость.

Но вотъ лѣсъ кончился. Поднимаемся на плавно-волнистую возвышенность, и вдругъ—предъ нами открывается зеркальная поверхность широкаго, большаго озера, которое сверкаетъ своимъ серебромъ между кудрявыми купами деревьевъ. Далеко, вправо, видны надъ озеромъ черепичныя и соломенные кровли, башенки костела, куполь и колокольная церкви; это—мѣстечко Езёры, принадлежавшее нѣкогда **тому** же графу Валицкому,—а ближе, налѣво, возвышается **гора**, покрытая высокимъ, синимъ боромъ. Это уже Гродненская пуца. Березы, клены, вязы, ольха и осина спускаются къ самому берегу озера, гдѣ, между зеленью, видны кое-какія постройки, сарай, домикъ, около котораго вьется бѣлый дымокъ изъ-подъ вѣтвистаго навѣса, подъ которымъ устроена эскадронная кухня, а выше, на пригоркѣ, стоитъ съ распростертыми крыльями вѣтряная мельница. Мы опять вступаемъ подъ тѣнь деревьевъ и поднимаемся въ гору. Здѣсь встрѣчаютъ насъ квартирьеры, отъ которыхъ отдѣляется унтеръ-офицеръ и оффиціальнымъ шагомъ подходитъ рапортовать эскадронному командиру. Шарикъ узнать с в о и х ъ, узнать знакомыя мѣста—и потому, задравъ кверху свой крендель, бойко пускается въ припрыжку впередъ, оглашая воздухъ веселымъ и звонкимъ лаемъ.

Неподалеку отъ озера, въ лѣсу, на полугорьѣ, подъ сѣнью высокихъ сосенъ Гродненской пуцы, притаился одинокій Ильиновскій фольваркъ. Въ этомъ лѣсномъ убѣжищѣ нашъ эскадронъ проводитъ время своей «травы». Выводы тотчасъ же разбились по фольварковымъ сараямъ, которые безъ всякаго порядка разбросаны и тамъ, и сямъ, между лѣсомъ, по не-

далеко одинъ отъ другаго. Люди устроили стоила и тутъ же по сараямъ приладили свои собственные постели.

— Теперича мы, значить, на дачѣ!—осклабься пирокую улыбкой, съ видимымъ удовольствіемъ говорить Каковинъ, эскадронный запѣвало, распустивъ свою аммуницію и разстегивая китель. Прикрасная трава будетъ, братцы!

— А ты почему знаешь? откликается ему «взводный».

— Потому и знаю, что день нонича очень прикрасный: ишь, какая теплынь! И свѣту сколько! Ужъ это у меня первая примѣта такая,—какъ выходить на траву, коли ежели денъ погожій—и вся трава веселая будетъ.

— Твоими бы устами да медъ пить!

— Ну, медъ не медъ, а водочки, дасть Богъ, своими устами хватимъ!

Входитъ въ сарай эскадронный вахмистръ—освѣдомиться, хорошо ли въ каждомъ взводѣ устроились люди и лошади.

— Андрею Васильевичу!.. Съ травою честь имѣемъ поздравить!—летятъ ему навстрѣчу привѣтливые голоса веселыхъ солдатъ.

Офицеры вмѣстѣ съ «майоромъ», т. е. эскадроннымъ командиромъ, располагаются по комнатамъ панскаго дома, являющагося лучшимъ образцомъ тѣхъ помѣщичьихъ обиталищъ, которыя въ Литвѣ и въ Польшѣ извѣстны подъ характернымъ именемъ соломенныхъ дворцовъ. Это былъ «правдыны палатъ сломяны». Низенькій, деревянный, одноэтажный, съ небольшими окривѣлыми окнами, рамы которыхъ качаются на плохихъ желѣзныхъ петляхъ, съ бревенчатыми балками поперекъ потолка, съ бѣлеными стѣнами и разщелистымъ поломъ, крытый сомоленною кровлей, — домъ этотъ служилъ нѣкогда убѣжищемъ одному изъ самыхъ яркихъ и характерныхъ представителей «старожитной Литвы» конца прошлаго столѣтія.

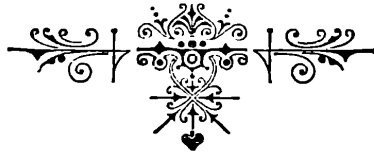
Теперь онъ пусть и оживаетъ на нѣсколько недѣль только лѣтомъ, когда его займутъ подъ постой наши офицеры. Въ соломенной кровлѣ, поросшей темнозеленымъ бархатнымъ мхомъ, гнѣздится множество воробьевъ; вдоль бѣленыхъ стѣнъ, между переплетовъ, растутъ абрикосы; рѣшетчатая крылечка густо увиты зеленою хмеля и дикаго винограда; по этимъ стѣнамъ и по вьющейся зелени въ солнечный полдень бѣгаютъ шустрыя ящери, а подъ половицами гнѣздятся ужи, которые иногда сквозь широкія щели заползаютъ и въ комнаты.

Сначала такое сосѣдство казалось не особенно пріятнымъ, но вскорѣ мы совсѣмъ привыкли къ этимъ безвреднымъ змѣямъ.

Странное и какое-то смѣшанное впечатлѣніе производитъ этотъ «палацъ сломяны», брошенный среди лѣса и заглохшаго парка, въ южной части громадной Гродненской пушчи, на берегу широкаго и прекраснаго озера. Поглядѣть на него снаружи — низенькій, одноэтажный, деревянный домикъ подъ соломенною кровлею, построенный глаголемъ, и только. Кажись бы, ровно ничѣмъ не отличается отъ сотенъ тысячъ подобныхъ же шляхетскихъ соломенныхъ палацовъ, въ изобиліи раскинутыхъ по всей Литвѣ и вообще по западному краю. Но чуть вступишь подъ его убогую кровлю, тутъ и начинается это странное, смѣшанное впечатлѣніе. Внутри рядъ низенькихъ, темноватыхъ комнатъ, съ маленькими окнами, съ потолкомъ, настланнымъ поверхъ поперечныхъ балокъ, съ бѣлыми стѣнами и некрашенымъ поломъ. Мебель сбродная, стародавняя и дубовато-крѣпкая, всеѣмъ характеромъ и видомъ своимъ отличающаяся несомнѣнное мѣстное происхожденіе. Все сѣро и скудно, и ото всего вѣетъ какимъ-то сыровато-затхлымъ холодомъ запустѣнія и нѣкоторою мрачностью. Но тѣмъ сильнѣе, тѣмъ поразительнѣе дѣйствуетъ на васъ неожиданный видъ драгоценныхъ предметовъ самой изысканной артистической роскоши, собранныхъ въ этихъ бѣдныхъ стѣнахъ, подъ этою соломенною кровлею. Въ углахъ стоятъ китайскіе боги и японскія фарфоровыя вазы, болѣе чѣмъ въ полтора аршина вышиною, испещренныя затѣйливою живописью; на окнахъ и на простыхъ тесовыхъ столахъ тоже красуются подобные же сосуды, нѣсколько меньшихъ объемовъ, носящіе на себѣ клейма китайскихъ, японскихъ и древнихъ мавританскихъ мастеровъ, рядомъ съ произведеніями королевско-саксонской и севрской фабрикъ. Стекланный шкафъ, на которомъ скалить зубы чей то желтый черепъ, облеченный въ древній рыцарскій шлемъ, наполненъ дорогимъ и рѣдкимъ хрусталемъ и коллекціей дорогихъ яшмъ, аметистовъ, лазореваго камня, малахитовъ и другихъ наиболѣе цѣнныхъ горныхъ породъ. На стѣнахъ, въ старинныхъ золоченыхъ рамахъ, почернѣвшихъ отъ времени, висятъ прекрасныя картины, принадлежащія кисти старыхъ, хорошихъ мастеровъ испанской и французской школы. Но, Боже мой, въ какомъ запустѣніи, въ какомъ упадкѣ все эти драгоценныя коллекціи! Иныя картины прорваны и облуплены, хрусталь побитъ, нѣкоторыя вазы сломаны... Жалко и больно смотрѣть на эти дивныя вещи, — и вмѣстѣ съ тѣмъ становится досадно на невѣжественную небрежность людей, несумѣвшихъ соблюсти и сохранить ихъ какъ должно. Но какой

странный контрастъ представляютъ всѣ эти предметы искусства и роскоши съ этими потолочными балками, съ этими бѣдными, низенькими стѣнами соломеннаго палацо! Странное присутствіе ихъ въ этихъ нежилыхъ, мрачныхъ и скудныхъ покаяхъ кажется вамъ какимъ-то рѣзкимъ диссонансомъ,—и невольно рождается вопросъ: кому, когда, зачѣмъ и для чего пришла идея совокупить и погребсти отъ свѣта всѣ эти коллекціи подъ непривѣтливою кровлею убогаго домишки, одиноко брошеннаго среди пустыря Гродненской пуши?

Тотъ, кто сдѣлалъ это, былъ, въ своемъ родѣ, замѣчательнымъ человѣкомъ, и память о немъ сохранилась по преданію еще и доселѣ, далеко за предѣлами Ильиновскаго фольварка.

III.

Авантюристъ-магнатъ прошлаго вѣка.

То былъ нѣкто Валицкій, польскій шляхтичъ, называвшій себя—правильно или неправильно—графомъ. Жизнь его, исполненная разныхъ приключеній, носила на себѣ загадочный и отчасти романическій характеръ. Одинъ изъ замѣчательныхъ авантюристовъ, почти современникъ знаменитаго Калиостро, шляхтичъ Валицкій являлъ въ себѣ нѣкоторыя типическія черты своего времени.

Бѣдный потомокъ захудалаго рода, онъ изъ милости получилъ воспитаніе въ домѣ «крайчаго литевскаго», пана Бучинскаго, гдѣ выказалъ замѣчательныя способности къ наукамъ. Преданіе говоритъ, что когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, панъ Бучинскій, въ силу «старожитнаго» обычая, подарилъ ему бричку, четверку лошадей, пару пистолетовъ, ружье и саблю, снабдилъ бѣльемъ и нѣсколькими перемѣнами платья, да двумя-тремя рекомендательными письмами въ Вильну и въ Варшаву, и закрѣпилъ за нимъ мальчишка-казачка, да кучера; затѣмъ будто бы призвалъ его въ лучшую парадную комнату своего могилевскаго дома и приказалъ гайдукамъ растянуть его на коврѣ—ибо, въ качествѣ родовитаго шляхтича, Валицкому не подобало быть растяну-

тымъ на голомъ полу, а непременно на коврѣ, и не иначе какъ на хорошемъ коврѣ;—послѣ этого панъ Бучинскій, крайчій литевскій, въ своемъ «властнемъ» присутствіи, тоже въ силу «старожитнаго» обычая, велѣлъ гайдукамъ влѣпить ему, здорово живешь, «сто бизуновъ», т. е. плетей, собственно, не ради какого проступка, а просто на добрую память и, по окончаніи столь назидательной операціи, вручилъ юношѣ сто червонцевъ, дозволилъ припасть къ своей ногѣ, дабы почтительно облобызать ее, и пустилъ въ подаренной бричкѣ на всѣ четыре стороны «въ умизги до фортуны», т. е. на волокитство за счастьемъ. Это было въ 1770 или 71-мъ году —и съ тѣхъ поръ о Валицкомъ ни на Литвѣ, ни въ Польшѣ не было слуху. Онъ исчезъ, какъ словно бы сквозъ землю провалился. Но вотъ, проходитъ двадцать лѣтъ, въ Варшавѣ закипѣла революція—и въ разгаръ ея, въ этомъ вѣтrenomъ, но прелестномъ городѣ вдругъ появляется воспитанникъ пана Бучинскаго,—но какъ появляется!—Съ несомнѣннымъ состояніемъ въ нѣсколько милліоновъ и съ фантастическимъ титуломъ итальянскаго графа! Было много толковъ по поводу этого титула: одни утверждали, будто Валицкій самозванецъ; другіе доказывали, что онъ точно купилъ себѣ графство въ какомъ-то итальянскомъ владѣніи,—но какъ бы то ни было, а достовѣрно, что король Станиславъ-Августъ лично призналъ за нимъ этотъ титулъ и возвелъ въ кавалеры ордена Станислава 1-й степени, за щедрое пожертвованіе значительныхъ суммъ въ пользу учебныхъ заведеній. Еще болѣе толковъ и подозрѣній возбуждало загадочное происхожденіе его милліоновъ. Говорили, будто это громадное состояніе нажито карточною игрою, будто онъ выигралъ брильянты у королевы Маріи-Антуанетты, и примѣшивали къ этому вдобавокъ какое-то темное участіе въ исторіи знаменитаго «ожерелья королевы». Въ Ильиновскомъ фольваркѣ стоялъ прислоненный къ стѣнѣ подрамокъ съ огромнымъ холстомъ, на которомъ замѣчательно-сочною кистью изображенъ во весь ростъ Валицкій, съ задумчивыми голубыми глазами, среди роскошной обстановки богатаго кабинета. Онъ сидитъ въ креслѣ у стола, одѣтый въ богатый французскій кафтанъ; предъ нимъ стоитъ раскрытый ларецъ, наполненный драгоценностями, а въ рукѣ изображены нити крупныхъ брильянтовъ, которыми фантастическій графъ какъ будто небрежно и задумчиво играетъ. *) Картина дѣлаетъ нѣкоторое впечатлѣніе.

*) Въ настоящее время, когда конфискованное Евзерское имѣніе, принадлежавшее послѣднику Валицкаго, замѣшанному въ послѣднемъ возстаніи, куплено гр. Левашевымъ, портретъ этотъ перешелъ во владѣніе семейства г-жъ Костиловскихъ, въ Гроднѣ.

Но все эти невыгодные слухи относились исключительно къ темному и безвѣстному періоду жизни Валицкаго. Съ появленія же въ Варшавѣ и уже до конца своей жизни, онъ—какъ утверждаютъ—будучи страстнымъ игрокомъ, велъ большую игру необыкновенно счастливо, при чемъ, однако, случалось ему и проигрывать огромныя суммы. То былъ золотой вѣкъ азартной игры. Во всехъ значительныхъ городахъ Литвы и Польши, не говоря уже о Вильнѣ и Варшавѣ, разныя куртизанки открыто держали у себя игорные дома, куда стекалось польское панство и русское офицерство. Игра шла почти исключительно на одно только золото, которое цѣлыми грудами бывало навалено на зеленомъ полѣ, и ставки шли не на отдѣльныя монеты, а на стопки, т. е. понтеры ставили на карту стаканы, наполненные червонцами безъ всякаго счета. Цѣлыя шайки варшавскихъ шуллеровъ разъѣзжали по всему краю, рыскали по ярмаркамъ, слѣдовали за полками и отрядами, и грѣли руки, гдѣ была лишь малѣйшая возможность. Въ этотъ азартный періодъ героями подобнаго сорта было составлено много значительныхъ состояній, лавѣстныхъ на Литвѣ даже до послѣдняго времени; но съ тѣхъ же самыхъ поръ за поляками укрѣпилась и въ Россіи, и въ Европѣ репутація шуллеровъ по преимуществу, и замѣчательно, что даже въ наши дни наиболѣе значительный контингентъ нечистыхъ игроковъ составляетъ намъ все-таки польская національность.

Появись въ Варшавѣ, Валицкій сразу произвелъ ослѣпляющее впечатлѣніе на общество. Манеры, тонъ, образъ жизни—все это было имъ усвоено такъ, что внушительно говорило всѣмъ и каждому о привычкѣ графа къ высшему обществу. Его связи со многими дворами и знаменитостями того времени были извѣстны всѣмъ, а баснословная щедрость, веселый нравъ и роскошь жизни доставили ему огромную популярность въ Европѣ. Даже гордые польскіе магнаты наперерывъ стремились пріобрѣсти дружбу и расположеніе загадочнаго графа. Онъ весь вѣкъ остался холостымъ человекомъ, но задавалъ балы и принималъ дамъ. Красавицы всей Европы добивались его благосклонности и постоянно толпились вокругъ золотыхъ грудъ игорнаго стола, который никогда не оставался закрытымъ въ его домѣ. Онъ игралъ въ высшей степени хладнокровно, съ тѣмъ «пріятнымъ изыществомъ», которое считается наилучшимъ украшеніемъ хорошаго игрока. Никто не умѣлъ съ такимъ спокойствіемъ и любезностью проигрывать и отдавать громадныя куши, какъ панъ грабя Валицкій,—но за то же никто не могъ и нака-

зывать болѣе жестокимъ образомъ тѣхъ шуллеровъ, которые шайками врывались въ его домъ съ цѣлю пообчистить любезнаго графа. Замѣтивъ противъ себя комplotъ, онъ до послѣдней питки обиралъ честную компанію, говоря ей въ назиданіе: «contre coquin—coquin et demi!» и затѣмъ сейчасъ же отдавалъ весь выигрышъ въ пользу бѣдныхъ.

Что касается до темнаго періода его жизни, то тутъ разсказываютъ слѣдующіе факты:

Получивъ отъ пана Бучинскаго сто бизуновъ и сто червонцевъ, молодой человѣкъ укатилъ изъ Могилева и предался игрѣ. Фортуна иногда ему улыбалась, но чаще поворачивалась спиною къ своему искателю и довела его въ одну прескверную ночь до того, что и бричка, и кони, и бѣлье и казачекъ съ кучеромъ—все это осталось въ рукахъ шуллеровъ, а Валицкій очутился маркеромъ въ одномъ изъ лембергскихъ трактировъ. Долго влачилъ онъ это незавидное состояніе, посвящая все свободное время изученію карточныхъ фокусовъ, расчетовъ и тайнствъ игры,—и успѣлъ довести ловкость рукъ своихъ и соображеніе до степени геніальнаго совершенства. Въ такомъ-то положеніи столкнула его однажды судьба съ извѣстнымъ польскимъ магнатомъ, княземъ Фр. Сапегою, который, зайдя въ трактиръ поиграть на бильярдѣ, случайно обратилъ вниманіе на наружность и внѣшній лоскъ ничтожнаго маркера. Узнавъ, что въ этой должности состоитъ родовитый польскій шляхтичъ, Сапега не потерпѣлъ такого «униженія» своего сословія и взялъ съ собою Валицкаго въ Вѣну, гдѣ онъ и состоялъ нѣкоторое время у князя «на ласкавемъ хлѣбѣ» въ качествѣ приживальщика, въ числѣ подобныхъ же шляхтичей, составлявшихъ дворъ и свиту знаменитаго магната. Отъѣзжая по дѣламъ въ Польшу, Сапега оставилъ Валицкаго въ Вѣнѣ и далъ ему денегъ «на разживу». Съ этого-то и пошелъ уже въ гору воспитанникъ Бучинскаго.

Однажды ночью онъ металъ банкъ въ долѣ съ нѣсколькими игроками мелкаго разбора, въ одномъ изъ самыхъ трущобныхъ вѣнскихъ трактирчиковъ. Счастье, или, вѣрнѣе, «искусство» на сей разъ благопріятствовало Валицкому, карманы понтеровъ были уже пусты, и компанія дольщиковъ намѣревалась уже забастовать, какъ вдругъ входитъ въ комнату «нѣкто» въ венгерскомъ костюмѣ, съ видомъ «таинственнаго незнакомца», высокій, худощавый, длинноусый и выдернувъ наудачу какую-то карту, произноситъ тихо:

— Ва-банкъ!

Дольщики смутились, но Валицкій метнулъ на незнакомца

внимательно зоркій взглядъ и приготовился метать. Компанія остановила его и потребовала напередъ, чтобы, во-первыхъ, были пересчитаны наличныя деньги банка, а во-вторыхъ, чтобы венгерець положилъ на столъ соотвѣтственную сумму.

— Душевно бы радъ, но, къ сожалѣнію, со мною нѣтъ ни копѣйки!—наотрѣзъ отказался незнакомецъ и снова подвинувъ карту, повторилъ свое тихое—«ва-банкъ».

Компанія, за исключеніемъ банкмета, продолжала сопротивляться столь оригинальному понтѣру.

— Если вы, господа, честные люди,—заявилъ, наконецъ, венгерець:—вы должны повѣрить мнѣ на честное слово.

Тѣ не соглашались.

Тогда Валицкій, пересчитавъ банкъ, отдалъ его товарищамъ и сказалъ незнакомцу:

— Если вы, милостивый государь, обращаетесь къ моей чести, я охотно готовъ держать вамъ банкъ на ваше слово. Извольте, я держу вамъ одинъ, безъ участія этихъ господъ. Ваша карта?

Незнакомецъ не открылъ ея.

Валицкій молча началъ метать направо и налево.

Рискованная игра шла уже на чистую, но банкметъ отлично владѣлъ собою и казался совершенно спокойнымъ.

— Бита! столь же спокойно и тихо произнесъ незнакомецъ, оборачивая свою карту,—и, дѣйствительно, она была убита.

— Попрошу васъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Валицкому:—отправиться со мною и получить деньги.

— Какъ вамъ угодно, съ сдержаннымъ поклономъ отвѣчалъ счастливый шляхтичъ.

— Но только я не желаю, чтобы ваши товарищи отправлялись вмѣстѣ съ вами; я приглашаю къ себѣ васъ одного, но никакъ не этихъ господъ! рѣшительно заявилъ венгерець.

— Какъ вамъ угодно, повторилъ Валицкій и, не взирая на доводы своихъ товарищей, опасавшихся отпустить его одного, последовалъ за незнакомцемъ.

Они отправились.

Пройдя нѣсколько глухихъ улицъ и переулковъ, путники вышли въ болѣе людную и безопасную часть города, гдѣ венгерець остановился у подѣзда одного роскошнаго дома. Прислуга съ величайшимъ почтеніемъ раскрыла предъ нимъ дверь—и Валицкій, вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, прошелъ въ кабинетъ черезъ анфиладу богатыхъ комнатъ.

Пригласивъ своего гостя садиться, хозяинъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Извините за нескромность, но... скажите, кто вы такой?